

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
на диссертацию БОДРОВОЙ Елены Владимировны
«НЕОЛОГИЗАЦИЯ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ
ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ», представленную на соискание ученой
степени кандидата филологических наук
по специальности 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России

Новации в русской фразеосистеме – важная и актуальная тема современной русистики; недостаточная разработанность теоретических положений неолитологии и неолитологии неоднократно подчеркивалась лингвистами и является препятствием при создании неолитических словарей. Однако следует отметить, что тема не только востребована, но и сложна для изучения; неслучайно, лексической неолитологии посвящено существенно больше исследований, чем современным процессам в области фразеологии (включая не только ее центральную часть в виде идиоматики, но и периферию, в частности, новейшие дискурсивные формулы, составные наименования и др.): см., например, тематику сборников «Неология. Неология» (ИЛИ РАН; по материалам ежегодной Международной конференции по неологии¹), в которых исследования по фразеологии составляют в среднем не более 15 %. При этом развитие фразеологического фонда обладает существенной спецификой по сравнению с обновлением совокупности лексем, иногда даже обнаруживает противоположные тенденции: «одно из основных различий новой лексики и новой фразеологии вытекает, как это ни парадоксально, из фактора новизны, их объединяющего. Если для подавляющего большинства лексических неолитизмов характерно семантическое тяготение к прежде не отраженным в языке номинативным сферам ... то для фразеологической неологии легко отметить предпочтение уже номинированных семантических полей, которые потребовали в речи новой экспрессии»². Таким образом, проблематика работы относится к неолитологии, которая нуждается в тщательном и всестороннем изучении и серьезное исследование которой должно состоять не только в привлечении и описании нового материала, но и в определении тенденций развития фразеологического фонда на современном этапе и выработке системной концепции его бытования и обновления в современном русском языке.

Этими научными задачами и определяется актуальность работы Бодровой Е.В. «Неология русской фразеологии в современном цифровом пространстве». В работе на обширном материале образования устойчивых сочетаний в русском языке конца XX – начала XXI вв. ставится масштабная задача изучения механизма самого процесса формирования и закрепления в языке фразеологических неолитизмов. В центре внимания

¹ <https://iling.spb.ru/periodicals/382>

² В.М. Мокиенко. Лексические и фразеологические неолитизмы: общее и различное //Русская академическая неология: к 40-летию научного направления. Санкт-Петербург, 2006. С.116-120.

диссертанта оказывается неофразема и уникальный механизм образования такой единицы. Злободневность исследования обусловлена не только хронологическим периодом новейшего русского языка, но и постановкой задачи исследования неофразеологизации в условиях современной цифровой коммуникации, т.е. прежде всего в интернет-среде, которая меняет как процесс обновления фразеолофонда, так и практику использования единиц.

Цель работы заключалась в выявлении лингвистических и экстралингвистических условий образования новой сверхсловной единицы, описании основных этапов этого процесса и предложении классификации продуктов и моделей неофразеологизации.

На защиту выносятся положения об уникальном характере неофразеологизации как процесса образования единиц, сферой бытования которых оказывается новое коммуникативное пространство, определяющее специфику функционирования новообразований, о типах неофразем, о нелинейности и многовекторности процесса неофразеологизации как вариативного набора специфических характеристик (областей), комбинации которых определяют движение неофраземы от первой фиксации в цифровой среде до закрепления в системе языка в виде потенциального фразеологизма как финальной точки неофразеологизации.

Научная новизна исследования состоит в том, что в работе предложен комплексный подход к изучению неофразеологизации как специфического процесса современного русского языка с выделением последовательных этапов формирования неофраземы в цифровой среде (введены и обоснованы такие этапы существования неофраземы, как фразеокреативы, фразеоальтернативы, фразеопопуляризмы, итоговая стадия связывается автором с появлением в языке потенциальных фразеологизмов), а также разработана и обоснована нелинейная многовекторная модель неофразеологизации, включающая четыре области: креативности, альтернативности, узуальности и системности.

Теоретическая значимость работы определяется вкладом в теорию фразеологии и неологии, состоящим в подробной реконструкции самого процесса неофразеологизации с разбиением его на стадии и определением критериев этих этапов нелинейного процесса формирования устойчивого словесного комплекса, в создании классификации неофразем с учетом их разной степени вхождения в язык, в выявлении специфики функционирования фразеологических неологизмов в эпоху цифровизации и существования в условиях размытых геополитических, культурных и языковых границ. Перспективно изучение наличия таких отдельных этапов и их соотношения на материале других периодов существования русского языка и на материале других языков (в сопоставлении с русским). Также выводы работы значимы для дальнейшего изучения динамики фразеологической системы русского языка.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов во фразеографии и неографии, курсах по фразеологии и неологии.

Достоверность результатов исследования обеспечивается значительным объемом проанализированного языкового материала (более 2500 устойчивых сверхсловных единиц), внушительным списком исследовательской литературы (240 наименований), включающим как классические, так и новейшие работы, репрезентативностью списка использованных словарей и справочников (51 наименование) и соответствием применяемых методов задачам работам. Ключевые положения работы логически взаимосвязаны и последовательно раскрывают суть исследуемого объекта.

Диссертация логично организована и структурирована. **Структура работы** обоснована и коррелирует с поставленными задачами. Диссертационное исследование (общий объем 280 с.) состоит из введения, трех глав, заключения, списка сокращений и условных обозначений, библиографии, включающей список научной литературы по теме исследования (240 наименований), список использованных словарей и справочников (51 наименование), список литературы, использованной в исследовании (88 наименований), ссылки на источники исследовательского материала (329 наименований). Работа также содержит приложение, состоящее из двух частей: «Авторские концепции способов образования фразеологизмов» (8 таблиц) и 1 таблицы, в которой содержатся показатели поисковых запросов на сверхсловные единицы из области «Креативность».

Во введении обосновывается выбор темы, обозначается актуальность проблемы, объект и предмет исследования, цель, задачи и методы работы, положения, выносимые на защиту, научная новизна, теоретическая значимость и практическая ценность полученных результатов.

Глава 1 «Фразеологизация и неофразеологизация в теории фразеологии» посвящена описанию теоретических основ исследования: фразеологизация характеризуется как объект исследования и как лингвистический феномен, вводится понятие неофразеологизации и неофраземы, обосновывается специфика их изучения на новейшем этапе формирования фразеологического фонда русского языка.

Анализируя теоретические концепции фразеобразования, автор обобщает их в информативной и наглядной таблице (с. 57-58) и подробно описывает, как смена научных подходов в языкознании открывает новые возможности для решения старых задач. Диссертант приходит к важному выводу о моделируемости фразеологических единиц, и именно признание возможности моделирования ФЕ становится основой для исследования процесса неофразеологизации.

В главе 2 «Неофразема как объект описания: принципы классификации» автор характеризует понятие неофраземы и вводит понятие

четырех типов неофразем, обосновывая их категориальные признаки. Предложение разграничения стадий неофразеологизации и классификация неофразем является инновацией работы. Особый интерес при этом вызывает выделение первичных, самых трудно уловимых этапов образования устойчивых сочетаний, которые автор обозначает как «неокреативы» и «неоальтернативы». В качестве характерных особенностей фразеокреативов отмечена их возможная единичность и ограниченная временными рамками актуализация (могут терять актуальность, как только исчезает информационный повод), для фразеоальтернатив характерны альтернативные смыслы, актуализируемые в контекстах. Фразеопопуляризмы могут уже функционировать в разных дискурсах. Потенциальные фразеологизмы, обычно описываемые в работах по фразеологии как начальный этап фразеообразования, в настоящей диссертации выступают уже как конечная стадия неофразеологизации, а именно как единица, уже готовая встроиться в языковую систему определенного периода. Таким образом, диссертант не избегает дискуссионных вопросов, и в центре внимания находится сложная, мало исследованная «зачаточная» стадия сложения устойчивых сочетаний.

В главе 3 «Неофразеологизация как процесс: вариант реконструкции» обосновывается нелинейность и многовекторность процесса неофразеологизации. Подробно описываются и иллюстрируются схемами различные модели неофразеологизации, представляемые автором как комбинация различных (двух / трех / четырех) областей. Данная интерпретация сути процесса неологизации является авторской и новаторской в теории фразеологии. В силу своего новаторства ряд положений данной концепции является дискуссионным, но подход хорошо обоснован автором и подкреплен анализом многочисленных примеров. Как кажется, такое предложение соответствует сути неоднозначного и многомерного процесса неологизации и позволяет уменьшить то ошибочное «впечатление лингвистического хаоса»³, которое производит каждое новообразование – как раз предлагаемая автором модель позволяет найти место разным нерядоположенным единицам в системе (а не хаосе) возникающих неологизмов. Автор проводит мысль о том, что переход неофраземы из одной области в другую детерминирован экстралингвистическими факторами, но может диагностироваться в ходе исследования характера языкового функционирования. Тезис доказывается на многочисленных примерах, за счет чего глава содержит много интересных наблюдений, историю конкретных неофразеологизмов с описанием истории их первой фиксации в языке, условий появления и обстоятельств, способствовавших закреплению выражения в качестве устойчивого. Иногда экстралингвистическим условиям и сопутствующей информации уделяется даже излишне большое внимание, что приводит к отдельным длиннотам и избыточным отступлениям, но, очевидно, они вызваны стремлением автора к

³ Складарская, Г.Н. Слово в меняющемся мире: русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы // Исследования по славянским языкам. Сеул, 2001. №6. С. 177 – 202. С. 202.

максимально подробному и исчерпывающему описанию условий бытования зарождающихся сверхсловных единиц.

В **Заключении** автор делает вывод о необходимости переосмысления процесса формирования ФЕ в связи с принципиальными изменениями коммуникативной среды и вводит понятие неофразеологизации и неофраземы, обосновывая нелинейность неофразеологизации и многовекторность перемещения неофразем в пределах выделенного автором набора областей: креативности, альтернативности, узуальности и системности. Предлагается классификация неофразем (на основе их функционирования в цифровом пространстве) в виде фразеокреативов, для которых характерны нестандартное сочетание компонентов или новизна и необычность вербализованных смыслов, фразеоальтернативов, характеризующихся развитием альтернативной семантики, фразеопопуляризов, развивающих устойчивость и возможность воспроизведения вне исходного контекста в различных дискурсах и потенциальных фразеологизмов, включенных в языковую картину мира.

В качестве достоинства работы следует отметить наличие в ней ряда таблиц и схем, позволяющих обобщить и наглядно представить отдельные положения исследования.

В процессе ознакомления с диссертацией возник ряд вопросов и замечаний, которые не влияют на общую положительную оценку работы.

1. С учетом историчности и относительности понятия неологизма принципиально важным в работе, посвященной неофразеологизации, является определение хронологического отрезка, описываемого в исследовании. Тезис о размытости границ рассматриваемого материала выносится на защиту, однако это не снимает вопроса об определении временного диапазона материала работы. При анализе в одном случае речь идет о новациях последнего десятилетия (см. в таблице фразеокреативов – образования 2018-2025 гг.: *сосисочный дождь, ягодные скидки*), в другом – о неологизмах конца XX – начала XXI вв. (*бархатная революция, лихие девяностые*), в третьем – анализируются единицы даже доцифровой эпохи (см. *блокадный дневник*). При этом диссертант неоднократно пишет, что анализу подвергаются «актуальные в современной дискурсивной практике» единицы, фраземы на «новейшем этапе формирования фразеологического фонда русского языка», однако понятие «новейшего периода» нигде четко не обозначено.

2. В непосредственной связи с вопросом об описываемом хронологическом периоде находится и вопрос о методологии сбора материала. В работе указано, что источником материала исследования послужили современные словари новой фразеологии, изданные в период с 1997 по 2022 гг. Но важен не столько год публикации, сколько содержание словаря, в данном случае его макроструктура, т.е. состав описываемых единиц. Среди перечисленных автором словарей не только словари фразеологических неологизмов, но и

словари, описывающие наряду с фразеологизмами и другие фразеологизмы, которые давно известны в русском языке, составляют костяк русского фразеолофонда, активно употребляются и в классической русской литературе, и в современном медиадискурсе вплоть до настоящего времени: см. Жуков А.В. Словарь современной русской фразеологии. М, 2015; Дядечко Л.П. Словарь крылатых слов и выражений нашего времени. М, 2023; Шулежкова С.Г. «И жизнь, и слезы, и любовь...». Происхождение, значение, судьба 1500 крылатых слов и выражений русского языка. М, 2011, Серов В.В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений: более 4000 статей. М, 2005, и др. Соответственно, автором должен был осуществляться отбор единиц из таких лексикографических источников, однако критерии дифференциации словарного материала в работе не описаны.

3. Еще более актуален вопрос о сборе материала из интернет-источников, поскольку, как справедливо отмечает автор, ссылаясь на Л.Н. Чурилину, новые устойчивые словосочетания не всегда успевают фиксироваться даже электронными словарями. Автором собрано около 200 таких единиц. В качестве одного из основных критериев определения их статуса как неофразем учитывается показатель частоты встречаемости, которую автор интерпретирует как формальный показатель востребованности, популярности неоединицы, для определения которого пользуется сервисом Яндекс Вордстат. Всегда ли количество поисковых запросов, о котором дает информацию сервис Яндекс Вордстат, напрямую коррелирует с частотой встречаемости новых языковых единиц в интернет-среде? Представляется, что это связанные, но далеко не идентичные понятия.

4. Возникает вопрос и об определении центрального понятия работы неофразема. При том, что описанию неофразем и их классификации посвящена отдельная глава (вторая), исчерпывающее определение этого термина в тексте диссертационного исследования не дано. Едва ли можно считать достаточными такие дефиниции, как «продукт неофразеологизации» (с.69) (недостаточное определение с помощью однокоренного слова, не раскрывающее сути явления), «единица с неопределенным статусом (единица речи или единица языка)» (с. 10) (не указаны дифференциальные признаки такой единицы). При этом в Заключении автор пишет, что «представление о неофраземе в исследовательской практике сформировано» (с. 177), и, несомненно, хорошо понимает объект исследования. Так, относительно полное определение неофраземы приведено в автореферате диссертации на с. 11: «неофразема – 1) устойчивое, 2) воспроизводимое, 3) сверхсловное новообразование с неопределенным статусом (единица речи / единица языка)», но в основном тексте работы дефиниция отсутствует.

5. В ряде случаев выводы автора о формировании устойчивого словесного комплекса вызывают сомнение и связаны с ситуациями, когда а) нет повода

говорить о какой-либо устойчивости сочетания; б) следует говорить не о неофраземе, а о новой лексеме или в) новом значении лексемы. Приведем несколько примеров этих случаев сомнительной интерпретации отдельных единиц, описываемых автором как неофраземы.

а). Словосочетание, выделяемое автором, является не устойчивым, а свободным, реализует узуальную семантику входящих в него лексем. Так, выводимые автором как фразеопопуляризмы *блокадный дневник*, *блокадная квартира* и др. едва ли могут быть отнесены, во-первых, к устойчивым словосочетаниям, во-вторых, к неологизмам. В данных комбинациях сочетаемость свободная, реализуются разные оттенки значения относительного прилагательного *блокадный* (ср. автор неслучайно пишет о том, что эти сочетания построены «по распространенной модели: зависимое слово *блокадный* + главное слово переменного состава»⁴, т.е. классической модели атрибутивного сочетания, но делает ошибочный вывод о формировании сверхсловной единицы). Сочетание *блокадный дневник* фиксируется еще в доцифровую эпоху (см. Его военные, *блокадные дневники* замечательно интересные. (В. Катанян. Лоскутное одеяло (1960-1969)) [НКРЯ]). В отношении словосочетаний *блокадная квартира*, *блокадный дом* не происходит ни двойной актуализации (как в описанном в работе известном со времен Шекспира фразеологизме *псы войны*), ни формирования нового значения (как у ФЕ *раздача слонов*), т.е. использование этих сочетаний в цифровой среде и относительно высокий показатель их совместной встречаемости не свидетельствуют об их фразеологизации (см. вопрос 2), сочетание продолжает оставаться свободным. Ср., например, не упоминаемые в работе, но тоже относительно новые с точки зрения сочетаемости в современном дискурсе словосочетания *блокадный зоопарк*⁵ 'Ленинградский зоопарк в годы блокады', *блокадная колюшка (рыбешка)* 'маленькая рыбка, употреблявшаяся в пищу жителями блокадного Ленинграда, которая помогла многим выжить, а также памятный знак этой рыбе, установленный в Кронштадте'.

б) Словосочетание, выделяемое автором, является не устойчивым, а свободным, его единственная особенность – в качестве компонента словосочетания выступает неологизм. Так, в качестве примера фразеоальтернатива автор приводит единицу *мой годовасик* (или ее изменение по парадигме *мои годовасики*, ошибочно названное в работе «вариантом») (с. 139-140). При этом значение неофраземы (автор пишет именно об обороте в целом!), данное автором для этого образования ('годовалый младенец'), объяснение его образования (аналогично *пивасик*)

⁴ Е.В. Бодрова. Бодрова, Е.В. Фразеологизмы с компонентом *блокадный* в новейшей картине мира / Е.В. Бодрова // Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 4 (115). С. 27-38. С. 37.

⁵ См., напр., Несколько шагов в блокадный зоопарк // Культура. 21.01.2021

(<https://syasnews.ru/culture/neskolko-shagov-v-blokadnyj-zoopark>), Сегодня для учащихся 2 класса МБОУ школы 2 состоялся патриотический зоо-лекторий "Животные блокадного зоопарка"

(<https://m.ok.ru/group/62261609431261/topic/156256983023069>) и др.

и даже примеры в работе («Теперь и мы *годовасики*. Мой самый дорогой, самый любимый мальчик, год назад мы встретились с тобой <...>» [Годовасики: <http>], «Что за чудовище такое, «*Годовасик*»? Я в интернете это слово увидела, и не понимаю что (или кто) это» [Наши годовасики: <http>] и др.) (с. 140) относятся не к словосочетанию *мой годовасик*, а исключительно к яркому неологизму *годовасик*. Комбинация этого существительного с притяжательным местоимением *мой* является свободным, а не устойчивым сочетанием (ср. сочетания и с другими притяжательными местоимениями, отмеченные в работе (*наш, свой*), употребление без местоимения в том же самом значении ('годовалый младенец'), сочетаемость с разными прилагательными. Характерно, что Яндекс Вордстат как самые частотные запросы со словом *годовасик* даст *годовасик тугосеря* и *мама годовасика*, но не сочетание с местоимением, т.е. неофразема не выделяется и при следовании методологии автора. Аналогично частотными, но свободными, а не устойчивыми являются сочетания *стильные луки* (с. 112; вопрос и к выведению начальной формы этого словосочетания: почему во мн.ч.), *духи с запахом компьютера* и *духи с запахом борща* (использована устойчивая модель без семантического сдвига – *духи с запахом (чего-л.)*, несогласованное определение к лексеме *запах* может быть выражено практически любым существительным (чаще конкретным, но далеко не обязательно предмет, имеющий характерный и стереотипный запах): см. зафиксированные в интернете *духи с запахом яблока/ корицы/ пудры/ чистоты /метро* и т.д.).

в) Приводимые единицы являются не ФЕ, а свободными словосочетаниями, где один из компонентов употреблен в новом значении. Большое количество неофразем с какой-л. лексемой свидетельствует о формировании у этого слова нового (переносного) значения; при признании этого факта ряд сочетаний должен быть интерпретирован не как устойчивые сочетания со сдвигом семантики, а как свободные сочетания, реализующие это новое значение. Ярким примером в этом отношении являются сочетания с прилагательным *умный*. С накоплением неофразем типа *умные часы, умные вещи* и т.п. и расширением сочетаемости прилагательного *умный* с неодушевленными существительными конкретных тематических групп (обозначения бытовой техники, части технических устройств и т.п.) представляется, что следует говорить о формировании семантического неологизма – нового значения прилагательного *умный* – 'о технических устройствах. автоматизированный, компьютеризированный, имеющий расширенные функции и за счет этого способный выполнять сложную работу и в ряде случаев принимать самостоятельные решения'. Автор пишет о том, что тенденции формирования этого значения отмечена (в качестве оттенка значения) уже в «Словаре современного русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой. На современном этапе развития русского языка следует признать это значение сформировавшимся – тогда все перечисленные неофраземы (за исключением, возможно, сочетания *умный*

дом, обладающего собственным целостным значением, основанным на переосмыслении семантики обоих компонентов) должны быть признаны свободными, реализующими эту новую семантику прилагательного *умный*: ср. *умная камера, умная колонка, умный чайник, умный пылесос* и т.п. Автор подробно рассматривает культурный код ума, однако, к сожалению, мало внимания уделяет собственно лексическому (семасиологическому) аспекту функционирования данных сочетаний, в то время как этот аспект очень интересен: образование данного нового значения сопровождается и существенным грамматическим изменением – переходом качественного прилагательного *умный* в разряд относительных. То же можно сказать о выделяемых автором неофраземах с прилагательным *уютный* – формируется новое значение прилагательного.

6. Общее замечание связано с тем, что в работе, посвященной фразеологическим единицам – с учетом семантического сдвига как важнейшего условия их формирования – следует приводить и значение формирующихся сверхсловных комплексов, тем более что семантика еще не вошедших в активное употребление фразеологизмов не является общеизвестной (см., например, совершенно неочевидные читателю значения *челябинский мохито* ‘ирон. о (мифическом) коктейле из водки и укропа (в сравнении с традиционным мохито, ингредиентами которого являются ром и мята, как характеристике местного колорита’, *ловушка стыда* ‘психол. о патологическом чувстве стыда’ и т.п.). Отсутствие толкований при фразеологических единицах некорректно в целом в исследованиях, описывающих фразеологию, и затрудняет восприятие теоретических положений автора.

7. Список литературы к работе объемён и состоит из нескольких частей: списка научной лингвистической литературы (240 наименований), списка использованных словарей и справочников (51 наименование), справочной литературы, использованной в исследовании (88 наименований), списка источников исследовательского материала (329 наименований). Такая серьезная библиографическая база обеспечивает обоснованность выводов автора, однако есть ряд замечаний относительно оформления библиографии исследования. Непонятно, почему список сокращений и условных обозначений (а это сокращения названий лексикографических источников) не совмещен со списком словарей, ведь он полностью поглощается этим списком, при этом отсутствуют условные обозначения для работ, включенных в список литературы (см., например, [Чурилина, 2021б, с. 32] – при этом в библиографическом списке три работы Чурилиной за 2021 г. и еще работы в соавторстве). Технические вопросы возникают в отношении источников, ссылка на которые есть в тексте работы, но отсутствует в списке литературы ([Стасевич: <http>] (с. 91), и, напротив, работы, включенные в список литературы, но не упомянутые в тексте работы (141. Новиков, Д.А.

Сверхсловные неологизмы с компонентом «направление», рожденные в ходе специальной военной операции / Д.А. Новиков, С.Г. Шулежкова // Гуманитарные и педагогические исследования. – 2023. – Т.7. – №1. – С. 31 – 39; 39. Вальтер, Х. Лексические и фразеологические неологизмы: общее и различное / Х. Вальтер // Мир русского слова. – 2011. – №2. – С. 14 – 19; 40. Вальтер, Х. Новые и старые реалии в новой русской фразеологии / Х. Вальтер, В.М. Мокиенко // Русское слово в многоязычном мире: Материалы XIV Конгресса МАПРЯЛ (г. Нур-Султан, Казахстан, 29 апреля – 3 мая 2019 г.). – Санкт-Петербург.: МАПРЯЛ, 2019. – С. 610 – 62). Некорректная ссылка: Генералова Е.В. Фрагмент словаря русских фразеологических неологизмов (конец 80-х гг. XX в. – 2000–2020 гг. XXI в.). СПб, 2022 (с. 9) – авторы словаря В.М. Мокиенко, Е.В. Генералова, словарь не был опубликован, фрагмент доступен на сайте фразеосеминара проф. В.М. Мокиенко.

8. К сожалению, работа не свободна от опечаток: см. М.С. Диброва вместо Доброва (с. 6); Значимый вклад в развитие терминосистемы внесла ученица В.Л. Архангельского, В.Н. Телия (лишняя запятая) (с.16); *фразеологизация* – многомерный, созидательный, эволюционный процесс. Приводящий к закреплению в языке ФЕ как средств вторичной номинации на базе речевых единиц (точка вместо запятой) (с. 18); [Райхштейну, 1980, с. 66] вместо Райхштейн; *быть на чили* (вместо *на чиле*) (с. 103); представление о *неофраземе* в исследовательской практике сформированы (несогласование подлежащего и сказуемого) (с. 177) и др.

Высказанные замечания не затрагивают основ диссертации Е.В. Бодровой и представляют собой в основном уточнения в отношении дискуссионных вопросов, рекомендации автору и технические исправления. Означенные выше вопросы и замечания не снижают общего положительного впечатления от работы и не умаляют самостоятельность и значимость проведенного исследования.

Автореферат диссертации полно отражает содержание работы. Не вызывают сомнения результаты апробации работы, по теме которой сделан ряд докладов на международных и всероссийских конференциях, опубликовано 14 научных статей (общий объем 6,54 п. л.), из них 4 – в изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России.

Таким образом, диссертационное исследование Бодровой Е.В. «Неологизация русской фразеологии в современном цифровом пространстве» представляет собой научно-квалификационную работу, которая соответствует Паспорту специальности, критериям, установленным Положением о присуждении ученых степеней, утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации о порядке присуждения ученых степеней от 24 сентября 2013 г. № 842 (в редакции от 25.01. 2024 г. № 62), и

критериям, предъявляемым к предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России, а ее автор Бодрова Елена Владимировна заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОППОНЕНТ:

Кандидат филологических наук

(специальность 10.02.01 – русский язык),

доцент кафедры русского языка

Федерального государственного бюджетного

образовательного учреждения высшего образования

«Санкт-Петербургский государственный университет»

Генералова Елена Владимировна

14.04.2026.

Сведения о лице, подготовившем отзыв:

Генералова Елена Владимировна, кандидат филологических наук (специальность 10.02.01 – русский язык), доцент кафедры русского языка Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет», адрес электронной почты: e.generalova@spbu.ru

Сведения об организации:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» адрес: Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9; официальный сайт: <https://spbu.ru>, телефон: +7 (812) 328-95-39, адрес электронной почты: spbu@spbu.ru

Против включения данных, содержащихся в отзыве, в документы, связанные с защитой данной диссертации, и их дальнейшей обработки не возражаю.

ПОДПИСЬ РУКИ

Генералова

УДОСТОВЕРЯЮ



Елена Владимировна

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА
УПРАВЛЕНИЯ КАДРОВ
М. С. ЗУБОВА

14.04.2026